

**РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В XVII ВЕКЕ: ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ
(краткие заметки об уникальном периоде истории нашего Отечества)**

В статье в форме кратких заметок рассматриваются проблемы развития Российской государственности в XVII веке как об уникальном периоде истории России.

Ключевые слова: *Российская государственность, проблемы развития, династия Романовых, церковный раскол.*

Настоящее осуществляется на основе исторического прошлого, воздействие которого мы ощущаем на себе.

К. Ясперс

«Historia est magistra vitae»

(«История – наставница жизни» (лат.))

Жизнь многих поколений утвердила аксиому: право на будущее имеет только тот, кто никогда не забывает своего прошлого. Ведь прошлое не исчезает, а продолжает жить в накопленном опыте социальной жизни. Поэтому становится ясным, почему люди всегда, особенно в переломные периоды жизни человечества, в гигантской лаборатории мирового исторического опыта пытаются найти ответы на жгучие вопросы современности. На исторических примерах люди воспитываются в уважении к вечным, непреходящим человеческим ценностям: миру, добру, справедливости, свободе, равенству, красоте, любви к Отечеству. Не случайно и в нынешнее наше время – время сложнейших преобразований современной России, хотелось бы обратить свой взор на не менее сложный период возрождения государства Российского – век XVII.

В некоторых учебниках по отечественной истории XVII столетие нередко изображалось как безвременье, застой, взорванный могучей энергией Петра Великого. Однако такие представления о последнем веке Московского царства далеки от истины. На наш взгляд XVII век занимает особое место в истории Отечества и обладает самостоятельной ценностью с точки зрения исторической судьбы России. И речь здесь идет не только о том, что то время было богато уникальными событиями (Смута, Раскол, народные бунты, войны), но и яркими личностями (Никон и протопоп Аввакум, А.Л. Ордин-Нащокин и В.В. Голицын, царевна Софья и др.). Для нас более важно выделить важнейшие процессы, которые во многом определили дальнейшее историческое развитие России.

Итак, век XVII. В России после глубочайшей «Смуты» и ужасающего разорения шел процесс централизации государственной власти, отчетливо стали проявляться тенденции формирования абсолютизма. Русский царизм в начале XVII в. носил черты сословно – представительной монархии, но со 2-ой пол. века политический строй эволюционировал к абсолютизму. Это прослеживалось, прежде всего, в усилении единоличной власти царя, ограничении деятельности сословно-представительных учреждений, привлечении в государственное управление «непородных» людей, повышении роли Приказов, окончательной победе светской власти над властью церковной [5, с. 223].

В результате особенности социально-экономического и политического развития России привели к установлению деспотической самодержавной власти, основанной на жестокой эксплуатации всех слоев общества.

В состоянии полной зависимости находились не только крепостные крестьяне. Зависимыми были все: служилое дворянство, горожане, купцы, стрельцы, расписанные по городам и областям; крестьяне, приписанные к земле.

В XVII в. представители новой династии Романовых – цари Михаил Федорович (1613–1645) и Алексей Михайлович (1645–1676) не так ожесточенно, как Иван Грозный, но все же достаточно настойчиво продолжали концентрацию власти в своих руках. После смуты восстановление самодержавия шло медленно и трудно, потому что Михаил Федорович Романов, избранный в 1613 г. царем на Земском соборе, не был сильным государственным деятелем. В это время важнейшие государственные дела решались на Земских соборах.

Восстановление самодержавия в России в XVII в. связано с именем царя Алексея Михайловича, в период правления которого были осуществлены реформы в области законодательства и церкви.

Если личность и деятельность Михаила Романова в историографии оценивают, в основном, ровно, то личность и деятельность Алексея Михайловича – противоречиво. Приведем ниже две взаимоисключающие оценки.

С.Ф. Платонов: «Царь Алексей неумел и не думал работать. Он не знал поэзии и радостей труда и в этом отношении был совершенной противоположностью своему сыну Петру... Вся его энергия уходила в отправление того «чина», который он видел в вековом церковном обиходе. Вся его инициатива ограничивалась кругом приятных «новшеств», которые в это время, но независимо от него, стали проникать в жизнь московской знати. Управление же государством не было таким делом, которое царь Алексей желал бы принять непосредственно на себя. Для того существовали бояре и приказные люди».

С.М. Соловьев, напротив, считал, что Алексей Михайлович «представлял самое привлекательное явление, когда-либо виденное на престоле царей московских...» «Изумительно, – говорили иностранцы, – что при неограниченной власти над народами, привыкшим к совершенному рабству, он не посягнул ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь».

Биполярность оценок личности царя Алексея Михайловича у историков свидетельствует не столько о том, что исторической науке свойственна поливариативность в оценке одних и тех же исторических явлений, персоналий, сколько о том, что в XVII, «бунташном веке» в Отечестве нашем происходили серьезные перемены [4, с. 148]. При этом, отметим, что во 2-ой половине XVII в. Россия продвинулась по пути правового государства.

Центральная власть добивалась, чтобы все в государстве делалось в соответствии с законом.

Соборное уложение 1649 г. законодательно закрепило самодержавный, деспотический характер государственной власти. Две главы уложения посвящены соблюдению престижа царской власти. В них определяются меры наказания за все помыслы и действия, наносящие урон как «государевой чести», так и царскому двору; устанавливается смертная казнь не только за измену и заговор против государя, но даже за нарушение его чести и спокойствия [5, с. 224].

Укрепление самодержавия нашло отражение в титуле. Алексей Михайлович в 1654 г. принял титул «Царь, Государь, Великий князь, всея Великий и Малый России Самодержец».

Важным свидетельством усиления самодержавия было падение значения Земских соборов как органов сословного представительства. Они были сходны по типу с возникшими в XIII–XIV вв. сословно-представительными учреждениями Западной Европы (английский парламент, французские Генеральные штаты и т.д.), но сыграли, в целом, менее значимую роль, чем на Западе. Земские соборы особенно активно действовали после Смуты, когда царская власть нуждалась в поддержке широких кругов дворянства и верхушки купечества. На их обсуждение выносились жизненно важные вопросы внешней и внутренней политики государства. Земские соборы почти непрерывно действовали в 1613–1622 гг., затем наступил десятилетний перерыв, после чего они созывались периодически.

В одной из поморских былин царь Алексей Михайлович обращается к своим подданным с такими словами: «Пособите государю думу думати. Надо думать крепка дума, не продумати...» [4, с. 149].

Есть и свидетельство самого государя Алексея Михайловича, прозванного в народе «тишайшим», что они, дескать, «всегда мирских речей слушают». Между тем, если при царе Михаиле Романове Земские соборы собирались, по подсчетам В.О. Ключевского, не менее 10 раз, то при Алексее Михайловиче «только 5 раз, и то лишь в первые 8 лет царствования». Притом количество сословий, представленных на них, постоянно уменьшалось. Земский собор 1653 г., созванный для обсуждения вопроса о воссоединении Украины с Россией, считается последним собором полного состава. Позже правительство перешло к практике проведения совещаний, куда приглашались представители тех сословий, в мнении которых оно было заинтересовано. Окрепшее самодержавие более не нуждалось в поддержке сословно-представительного органа. В.О. Ключевский посчитал, что царь Алексей Михайлович «заморил земский собор».

Таким образом, отмирание Земских соборов стало одним из проявлений перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму.

Боярская дума по-прежнему являлась важнейшим органом государства, разделявшим вместе с царем прерогативы верховной власти, органом боярской аристократии. Однако в Боярской думе во 2-й половине XVII в. прослеживались двоякого рода изменения: повышался удельный вес думных дворян и думных дьяков, т.е. людей, проникавших в аристократическое учреждение благодаря личным способностям. В 1653 г. на долю бояр и окольных приходилось 89 % общего числа членов думы, в 1700 г. удельный вес их снизился до 71 %. Так, из псковских дворян вышел крупный государственный деятель А.Л. Ордин-Нащокин. Сын дьяка А.С. Матвеев стал боярином, приближенным к царю [5, с. 225].

Следующее изменение относилось к увеличению численности Боярской думы. Если в 1638 г. в нее входило 35 членов, то в 1700 г. – 94 человека. Она превращалась в громоздкое учреждение, практически неработоспособное из-за своей численности. В связи с этим внутри думы была создана группа, состоявшая из узкого круга лиц, предварительно обсуждавших вопросы, выносимые на заседание.

Существенно изменилась приказная система. То была довольно сложная и громоздкая сеть центральных учреждений, в которой отсутствовал как единый принцип создания, так и четкое распределение функций. В конце XVII в. существовало до 80

приказов, делившихся на постоянные и временные. Постоянно действовавшие можно разбить на 3 группы: государственные, дворцовые, патриаршие.

Своеобразной попыткой усилить централизованную власть и преодолеть раздробленность управления в середине XVII в. была организация приказа Тайных дел. Некоторые важные государственные дела изъяли из ведения приказов и Боярской думы для того, чтобы «царская мысль и дела исполнялись по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали». Однако основной функцией приказа Тайных дел был контроль за деятельностью приказов. Он мог носить явный характер и проявляться в затребовании для «ведома» различных дел, сведений, отчетности, в проверке делопроизводства при участии царя. Тайный контроль заключался в посылке подьячего с секретным наказом о контроле некоторых послов, которые «много чинять не к чести своего государя».

15 ноября 1682 г. Разбойный приказ переименовали в Разбойный сыскной, 6 ноября 1683 г. – в Сыскной, в 1687 г. он стал приказом Сыскных дел, а с 1689 г. – опять Разбойным. Под этим названием его ликвидировали в начале XVIII в.; дела передали в другие приказы соответственно тому, какими разрядами населения ведал каждый из них. Однако, несмотря на сложившуюся в XVI–XVII вв. систему приказов, структура правоохранительных органов не сложилась, так как помимо своих, они выполняли множество иных функций, действовали разрозненно и не были единым правоохранительным аппаратом.

Но меры правоохранительной деятельности значительно ужесточили. Широко распространили смертную казнь. Соборное уложение определило способы ее совершения: «казнити, сжечь», «казнити смертью, залита горло», «казнити смертью, повесить против неприятельских полков», «казнити, живу окопати в землю», «казнити смертью без всякой пощады» [6, с. 12]. Смертную казнь, в зависимости от сложности исполнения разделяли на квалифицированную и неквалифицированную. Впервые в истории страны Соборное уложение ввело в качестве наказания ссылку «в Сибирь на житье на Лену» или в «украинные города, где государь укажет» [6, с. 12–13]. С освоением новых, окраинных, территорий (продвижение *moving frontier* на Восток) ссылка приобретала большое значение в системе наказаний. Итак, в процессе создания единого централизованного государства, усиления самодержавия, обострения социальных противоречий значительно ужесточили систему наказаний. Данная тенденция очевидно просматривается уже в Судебниках 1497 и 1550 гг. и закрепляется в Соборном уложении 1649 г.

Изменения в организации местного управления тоже отражали тенденцию централизации. В 1613 г. в 33, а затем во всех городах сели назначенные правительством воеводы, что означало сужение местного самоуправления. Они заменили всех должностных лиц земских выборных органов: городских, приказчиков, судных и осадных голов, губных старост. Земское управление сохранилось лишь на севере, в Поморье.

Воеводой назначали, по традиции, отставного военного. Его самого и его челядь содержало местное население, при вступлении в должность он получал «въезжий корм», а к каждому празднику – приношения; челобитчики тоже поощряли усердие воевод подношениями. Контроль за их деятельностью был крайне слабым. Это благоприятствовало процветанию произвола, мздоимства и разнообразных злоупотреблений.

Развивалась тенденция, во многом определяющая в будущем государственное строительство в России – рост бюрократии, набиравшейся из служивых. В середине XVI в. в России их было 22–23 тысячи. В конце XVI в. 1 служилый приходился на 300 лиц податного сословия и духовного звания. В XVII в. это соотношение изменилось лишь немного: в 1651 г. в России жило около 13 миллионов человек, включая 39 тысяч служивых людей (1 на каждые 333 жителя). Это – максимум того, что могла содержать экономика того времени [4, с. 151].

В такой массе служивых Алексей Михайлович пытался опереться на лучшую часть бюрократии: привлекал к государственным делам умных, сведущих людей, независимо от их происхождения. В его царствование выдвинулась целая плеяда талантливых управленцев: Артамон Сергеевич Матвеев, Федор Михайлович Ртищев и другие, инициаторы всех новшеств в управлении государством. Появление таких деятелей дало В.О. Ключевскому основания на введение в научный оборот дефиниции «московский государственный человек»: «Государственный человек, ведь это значит развитой политической ум, способный наблюдать, понимать и направлять общественные движения, с самостоятельным взглядом на вопросы времени, с разработанной программой действия, наконец, с известным простором для политической деятельности – целый ряд условий, присутствия которых мы совсем не привыкли предполагать в старом московском государстве... до XVII века этих условий действительно не заметно в государстве московских самодержцев, и трудно искать государственных людей при дворе... В XVII веке, однако, московская государственная жизнь начала прокладывать себе иные пути. Старый обычай, заведенные порядки пошатнулись; начался спрос на ум, на личные силы, а воля царя Алексея Михайловича для общего блага готова была подчиниться всякому сильному и благонамеренному уму» [4, с. 152]. «Если хочешь быть самодержцем, то не держи советников умнее себя», – советовал Ивану Грозному старец Вассиан Патрикеев. Иван IV выполнял этот завет на практике, отправляя многих талантливых политических деятелей на плаху. Алексей Михайлович, в отличие от Ивана Грозного, окружил себя, как выше отмечалось, плеядой «московских государственных людей».

Особо выделяется среди них, по мнению авторов данного учебного пособия, Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, широко образованный человек, знавший несколько иностранных языков, блестяще проявивший себя на военном и дипломатическом поприще. После того, как А.Л. Ордин-Нащокин сумел заключить в 1667 г. важное для России Андрусовское перемирие с Польшей, он был пожалован в бояре и возглавил Посольский приказ. В.О. Ключевский привел слова англичанина Коллинса, называвшего Нащокина великим политиком, не уступающим ни одному из европейских министров: «Внимательное наблюдение за иноземными порядками и привычка сравнивать их с отечественными сделали Нащокина ревностным поклонником Западной Европы и жестким критиком российской жизни». Так он отрешился от национальной замкнутости и исключительности и выработал свое особое политическое мышление: он первый провозгласил у нас правило, что «доброму не стыдно навязать и со стороны, у чужих, даже у своих врагов». Однако тот же Нащокин говорил: «какое нам до иноземных обычаев, их платье не по нас, наше не по них» [8; 4, с. 152]. Это противоречие во взглядах Нащокина свидетельствует о сложности воздействия реалий окружающей действительности на формирование мировоззрения передовых людей, живших в России в XVII в.

Государственная бюрократия выросла численно в 3 раза: в 1640 г. служилых людей в центральном аппарате была 1 тысяча 611 человек, в 1690 г. – уже 4 тысячи 657 [2, с. 6].

Американский исследователь Р. Пайпс утверждал, что от «московского служилого класса» произошли «по прямой линии дворянство эпохи империи и коммунистический аппарат Советской России». Уникальность указанной страты Р. Пайпс видит в том, что в западной исторической науке нет термина, удовлетворительно определяющего сущность и содержание категории «московский служилый класс». Он был, по мнению профессора Пайпса, резервом «квалифицированной рабочей силы, который государство использовало для исполнения всех и всяческих потребных ему функций: военной, административной, законодательной, судебной, дипломатической, торговой и промышленной». То обстоятельство, что жил «московский служилый класс» почти исключительно на средства, добываемые эксплуатацией земли и (после 1590-х гг.) труда крепостных, явилось «результатом превратностей российской истории, а именно недостатком наличного капитала». Позднее, в XVIII–XIX вв., гражданская часть служилого сословия была переведена на жалованье, но характер и функции ее остались без значительного изменения. «Корни этого класса покоились не в земле, как происходило со знатью во всем мире, а в царской службе. В иных отношениях русское служилое сословие являлось почти современным институтом, в своем роде предтечей нынешнего чиновничества, продвигающегося по службе в зависимости от своих заслуг. Члены его могли достичь высокого положения лишь в том случае, если были полезны своему нанимателю. Хотя они имели преимущества перед остальным населением, в отношениях с короной положение их было весьма и весьма шатким» [9, с. 132–133]. Если не обращать внимания на излишнюю категоричность, которая всегда свойственна Пайпсу при анализе российской истории, нельзя не признать, что определенное рациональное зерно в его мыслях есть.

Общая тенденция к усилению централизации государственной власти проявилась и в организации вооруженных сил.

В письмах к Алексею Михайловичу А.Л. Ордин-Нащокин изложил программу военных преобразований. Вместо ополчения, сбор которого был сопряжен с большими трудностями, вооруженные формирования, прибывавшие в армию «конно, людно, оружно», он советовал заменить на солдатские и рейтарские полки, комплектуемые путем набора «даточных людей», принудительно призываемых на пожизненную военную службу. Дворянам и казакам Нащокин предлагал запретить самовольные отлучки из армии. Критиковал он и систему управления армией. Излишняя централизация при отсутствии быстрой связи осложняла действия воевод, сковывала их инициативу. «Где глаз видит и ухо слышит, тут и надо промысле держать неотложно». Вот концепция военной реформы создания армии нового типа которая во многом, но не во всем, напоминала бы армии развитых западноевропейских государств. Но все наметки А.Л. Ордина-Нащокина реализовать не удалось, хотя в армии провели существенные преобразования. В 1730-х гг. в России, наряду с дворянским конным ополчением и стрельцами, начали формировать солдатские (пешие), рейтарские (тяжелая кавалерия, вооруженная карабинами, пистолетами и саблями) и драгунские (кавалеристы, которые могли сражаться в конном и пешем строю) полки. Их стали называть полками «нового» или «иноземного» строя, создавали на случай войны или несения пограничной службы путем добровольного найма служивых и вольных

людей. В середине века правительство перешло к принудительной записи мелкопоместных дворян в рейтарские полки и набору «даточных людей» в солдатские и драгунские. К концу столетия полки «нового строя» стали играть большую роль в системе организации вооруженных сил русского государства, значение же поместного ополчения резко упало. Одновременно утрачивали прежнее значение боевой силы стрельцы. В 1681 г. в России служило:

- солдат – свыше 60 тысяч человек;
- рейтар – около 30 тысяч;
- драгун – свыше 50 тысяч;
- стрельцов – около 16 тысяч;
- конных «служилых инородцев» – 30 тысяч (татар, мордвы и др.).

Вместе с тем, в организации вооруженных сил России к исходу XVII в. имелись и серьезные недостатки:

- армия выглядела чрезвычайно пестро: комплектование, вооружение, обучение и снабжение всех этих разрядов войска были разнородными;
- не было единого центрального управления вооруженными силами;
- из-за экономической отсталости России армия испытывала большой недостаток в ружьях, мушкетах, пистолетах и боеприпасах;
- артиллерия включала много орудий старых образцов, сделанных еще в XV–XVI вв. [5, с. 154].

Таким образом, существовавшая в конце XVII в. военная система не могла в должной мере обеспечить успешного решения назревших внутренних и внешнеполитических проблем русского государства. Необходима была ее коренная реорганизация.

Серьезное препятствие на переходе к абсолютизму создавала церковь, которая претендовала на большую власть.

Без сокрушительного удара по притязаниям церкви самодержавие укрепиться не могло. Его борьба за полноту власти ярче всего проявилась в деле патриарха Никона. Будущий мятежный российский патриарх родился в семье мордовского крестьянина Минова в 1605 г. Назвали его по рождению Никитой. С детства он отличался любознательностью и тягой к книжной премудрости. После принятия пострига Никон стал игуменом Кожеезерской обители. В 1646 г. произошла его встреча с молодым царем Алексеем Михайловичем, который потянулся к могучему Никону. В 1652 г. сын мордовского крестьянина становится митрополитом Новгородским, а в 1653 г. – патриархом Московским. Путь наверх церковной иерархии был пройден довольно быстро.

Умный, начитанный, властный и честолюбивый патриарх, некогда бывший личным другом царя Алексея Михайловича, поставленный на патриаршество при его активном содействии, претендовал на такую же обширную власть, которую присвоил себе Филарет, отец царя Михаила. Никон стал называть себя «великим государем» и демонстративно подчеркивал превосходство духовной власти над светской. Это стало приобретать достаточно жесткие формы. Здесь сыграл свою роль субъективный фактор – личность патриарха, рвущегося почти что к единовластию [5, с. 155].

Русские историки С.М. Соловьев и С.Ф. Платонов критически отзывались о Никоне, показывали его властолюбие, гордыню и самоуверенность: «... Никон свое правление называл державой и свою власть равнял открыто с государевой, – писал С.Ф. Платонов. – По современному выражению, Никон, став патриархом, «возлюбил стоять высоко, ездить широко...». И сам Никон склонен был считать себя равным царю

по власти. На соборе 1653 года в пылу спора Никон даже воскликнул: «Мне и царская помощь не годна и не надобна». В том же году патриарх Никон, желая укрепить позиции церкви, авторитет которой в XVII в. падал как никогда раньше, начал проведение церковной реформы.

Суть ее заключалась в унификации норм церковной жизни и православной церкви.

Никон распорядился заменить при богослужении земные поклоны поясными, креститься тремя пальцами вместо двух, привести иконы и книги в полное соответствие с греческими образцами. Были и другие, менее значимые замены.

Отправление обрядов по греческим образцам нарушило сложившиеся традиционные русские формы церковных обрядов и вызвало недовольство части духовенства и светской власти.

Признанным лидером противников Никона стал протопоп Аввакум. Он родился в селе Григорове Нижегородской губернии в семье мордовского священника. Довольно начитанный, умный и строптивый по характеру, он отказывался от всяких мирских развлечений и потому не уживался со своей паствой. В 1651 г. он отправился в Москву, скоро обратил на себя внимание и получил доступ к царскому двору. Став непримиримым противником церковной реформы, Аввакум, глава ревнителей старины, яростно спорил с Никоном, обличал во весь голос его сторонников [7, с. 15].

Выступления приверженцев старой веры нашли поддержку в разных слоях русского общества, что привело к движению, названному «раскол», «старообрядчество». Раскольники яростно боролись за сохранение русского православия, старины в неизменности. Их сторону принимали многие знатные и богатые бояре, церковные иерархи, крестьяне и посадские люди. Раскол охватил значительную часть страны. Люди массами покидали посадки и деревни, уходили в далекие леса на Север, за Волгу и там основывали раскольничьи общины – скиты, надеясь найти избавление от тяжелой жизни.

Но идеология раскола основана на фанатичной приверженности старине, неприятии и осуждении всего нового вообще, принципиальном отрицании всего иноземного

Раскол был непримиримо враждебен светской культуре, светскому знанию

Следовательно, раскол хоть и являлся движением подлинно народным, его никак нельзя было отнести целиком к прогрессивным явлениям жизни, так как всю силу стихийного социального протеста направлял в мистику, фанатизм, аскетизм, призывал к христианскому послушанию и покорности.

Тем более, указами царя 1666–1667 гг. воеводам предписывалось разыскивать раскольников и подвергать их «царским сиречь казням по градским законам». Тогда и началась открытая борьба государства и церкви со всеми сторонниками старой веры.

Лидеров раскола Аввакума, Лазаря, Епифания, Никифора в 1682 г. сожгли в Пустозерске «за великие на царский дом хулы» [5, с. 156–157].

Пока Никон пользовался поддержкой царя, его главенствующее положение в церкви было достаточно прочным. Дело изменилось, когда Никон стал посягать на прерогативы светской власти, ставя себя выше царя. В 1658 году это привело к разрыву между патриархом и царем. Переоценив силу своего влияния, Никон демонстративно отказался от патриаршества и уехал в Воскресенский монастырь, надеясь, что его призовут обратно. Но Вселенский собор патриархов, созванный в 1666–1667 гг. по инициативе Алексея Михайловича, лишил Никона сана. Его сослали в один из отдаленных монастырей. Собор признал православными всех греческих патриархов и все греческие богослужебные книги.

Так закончился долгий спор между «царством» (светской властью) и «священством» (духовной властью). Церковь, претендовавшая на автономность, была подчинена светской власти. Но, несмотря на расправу с Никоном, церковь сохранила внутреннюю самостоятельность, земельные владения и осталась значительной политической силой.

Церковная реформа, при всей ее ограниченности, воспринималась обществом как прозападная, и ее сторонники, в конечном итоге, призывали воссоединиться с Европой на духовной основе.

Аналитические замечания сделали по этому поводу российские историк Н.И. Костомаров и философ Г.В. Флоровский. С разных точек зрения оба ученых раскрыли довольно глубоко (для своего времени) сущность церковного раскола как исторического явления.

Н.И. Костомаров: «Раскол гонялся за стариною, старался как бы точнее держаться странины, но раскол был явлением новой, а не древней жизни».

Г.В. Флоровский: «Раскол есть погребальная грусть о несбывшейся и уже несбыточной мечте. И «старовер» есть очень новый душевный тип... Раскол весь в раздвоении и надрыве. Раскол рождается из разочарования. И живет, и жив он именно этим чувством утраты и лишения, не чувством обладания и лишения Раскол не имеет, он потерял, но ждет и жаждет. В расколе больше тоски и томления, чем оседлости и быта. Раскол в бегах и побеге. Весь в воспоминаниях и предчувствиях, в прошлом или в будущем, без настоящего. Весь в истоме, весь в грезах и снах... Сила раскола не в почве, а в воле. Раскол не застой, но иступление. Раскол есть первый припадок русской общественности, отрыв от соборности, исход из истории. Раскол можно назвать социально-апокалиптической утопией» [5, с. 157].

Не будет преувеличением сказать, что эти выводы о сущности церковного раскола как исторического явления сохранили актуальность и сегодня, в свете современного уровня накопления исторических знаний.

В дальнейшем укреплении Российского государства сыграла свою особую роль его внешнеполитическая деятельность, направленная на протяжении XVII в. на решение трех задач:

- достижения выхода к Балтийскому морю; обеспечения безопасности южных границ от набегов крымских ханов;
- возвращения отторгнутых в период Смутного времени территорий.

В 1632 г. Россия начала войну за возвращение Смоленска, но из-за хозяйственного разорения страны и отсталости государственной и военной организации потерпела

поражение, и в мае 1634 г. Россия и Польша заключили Поляновский мир, по которому Речь Посполитая возвратила лишь город Серпейск и признала царя Михаила государем «всех Руси». Неудача в Смоленской войне была вызвана также набегом крымских татар в самый решающий ее момент, что еще раз напомнило правительству России об острых и напряженных отношениях с Турцией и ее вассалом – Крымским ханством. В борьбе с турецко-татарской агрессией видную роль сыграли донские казаки, не только отражавшие набеги врага, но и переходившие в наступление.

В 1-й пол. XVII в. украинские земли находились под властью Речи Посполитой. После Люблинской унии 1569 г., когда Великое княжество Литовское объединилось с Польшей, на них стали обосновываться польские магнаты и шляхта. Усиление феодального, национального и религиозного гнета на Украине со стороны Речи Посполитой стало причиной подъема национально-освободительного движения, возглавленного Богданом Хмельницким. Центром его стала Запорожская Сечь, где формировалось вольное казачество.

Начавшаяся в 1648 г. освободительная борьба украинского народа против польских феодалов всколыхнула народные движения в Белоруссии и на Смоленщине. Для Москвы настала пора возобновления борьбы с Речью Посполитой. 1 октября 1653 г. Земский собор в Москве принял решение о воссоединении Украины с Россией. В свою очередь, Переяславская рада в 1654 г. единодушно высказалась за вхождение Украины в состав России. Начавшаяся с Речью Посполитой война продолжалась 13 лет, с 1654 по 1667 г., и закончилась подписанием 31 января 1667 г. Андрусовского перемирия, условия которого в 1686 г. закрепил «Вечный мир». К России отошли Смоленщина, Левобережная Украина и Киев. Белоруссия оставалась в составе Польши.

С начала 1670-х гг. и до конца века главным во внешней политике России был вопрос об отношениях с Крымом и Турцией. Османская империя заявила о своих притязаниях на Левобережную Украину, и летом 1677 г. 60-тысячная турецкая армия начала осаду ее политического центра – крепость Чигирин. Тяжелые сражения не принесли туркам никакого успеха и вынудили отойти на исходные позиции. 13 января 1681 г. в Бахчисарае было подписано 20-летнее перемирие. Османы признали право России на Киев. Земли между Днепром и Бугом объявлялись нейтральными, не подлежащими заселению подданными воевавших сторон.

Одновременно с русско-польской войной (1654–1667) Россия в 1656–1658 гг. вела войну со Швецией за возвращение Балтийского побережья, отошедшего к той по Столбовскому миру 1617 г. Она завершилась неудачно. В 1661 г. в Кардиссе был подписан мир, согласно которому земли в устье Невы, а также завоеванные в ходе войны ливонские земли оставались за Швецией. Россия оказалась отрезанной от морских берегов [4, с. 234].

В течение XVII в. русские продвинулись от Западной Сибири до берегов Тихого океана, Камчатки и Курильских островов. В 1668 г. одна из экспедиций совершила крупное географическое открытие: казак Семен Дежнев (на небольших судах, с кучкой отважных людей) открыл пролив, отделяющий Азию от Северной Америки. Василий Поярков в 1645 г. вышел по Амуру в Охотское море, совершил плавание вдоль его побережья. В 1649–1653 гг. торговый человек Ерофей Хабаров из Якутска дошел до Амура. В Сибирь, как и на другие окраины страны, приходили не только чиновники, промышленники и миссионеры. Туда приходили крестьяне, стрельцы, казаки, пушкарки, солдаты. К концу XVII в. численность русского населения Сибири достигала 150 тысяч

человек, из которых около половины являлись служилыми людьми и 11 тысяч – крестьянами. Наиболее многочисленными этническими группами там были якуты и буряты, находившиеся на стадии патриархально-родового строя [4, с. 235]. Основной формой эксплуатации местного населения был сбор дани (ясака). Контакты русских крестьян с местным населением способствовали усвоению последними более развитых форм производства. Прекратились распри и вооруженная борьба как внутри этнических групп, так и между отдельными народами.

В русской культуре XVII в. прослеживались черты перехода от средневековья к новому времени.

Главная особенность культуры этого периода состояла в том, что она стала освобождаться от церковного влияния. Светское начало охватило все сферы культурной жизни страны: литературу, живопись, архитектуру и т.д. Само церковное мировоззрение переживало кризис, выразившийся в расколе.

В литературе утверждалось народно-обличительное течение, возрождались народная сатира с пародиями на неправый суд, беспутную жизнь монахов, бесправие простого человека. Героями становились предприимчивые и энергичные люди. Новое в архитектуре состояло в том, что в XVII в. увеличилось число зданий, воздвигаемых из кирпича. В живописи было положено начало двум светским жанрам: портрету и пейзажу. Развивалось печатное дело.

В XVII в. Россия вплотную столкнулась с западной цивилизацией. Однако в силу исторических и географических условий Россия заняла место на периферии мира, с которым ей отныне приходилось иметь дело.

Более передовой, цивилизованный Запад не мог не оказать в этом случае определенного влияния на русскую культуру. Поскольку Россия не имела выхода к морям и, следовательно, не могла активно включиться в тесные связи со странами Западной Европы, она подверглась влиянию ближайших западных соседей – Польши и Литвы. В моде были польский язык, польские костюмы, экипажи, появился новый танец – полька-мазурка. В Москве обосновалось немало искавших приют в России образованных людей из украинских и белорусских земель. В 1687 г. в Москве открыли Славяно-греко-латинскую академию во главе с учеными-греками. Это было первое высшее учебное заведение в России, открытое для людей «всякого чина, сана и возраста».

В развитии общественно-политической мысли в России XVII в. наметились два основных течения: национально-консервативное; западническое, стремящееся к западной культуре.

Сторонниками 1-го направления стали представители духовенства и консервативно настроенной боярской знати, выступавшие против распространения светских знаний, изучения иностранных языков, в целом против внедрения западной культуры в Россию.

Представители 2-го направления, глубоко понимая превосходство европейской цивилизации, предлагали заимствовать у Запада то, что может поднять культурный уровень и благосостояние народов России. К ним относились писатели Юрий Крижанич и Григорий Карпович Котошихин, государственные деятели Ф.М. Ртищев, А.Л. Ордин-Нащокин, А.С. Матвеев, В.В. Голицын.

Таким образом, обобщая проблемы развития российской государственности, можно прийти к следующим выводам.

Вывод первый: в России в XVII в. сформировался особый, отличный от общеевропейского, тип общества – самодержавно-государственно-крепостнический.

Помимо самодержавия и крепостного права, его сущностной чертой была гипертрофированная роль государства, в жесткой зависимости от которого находились не только непосредственные производители, но и представители господствующего класса. В этот период в развитии Российского государства проявились две основные тенденции:

- усиление централизации государственной власти;
- утверждение внеэкономических методов принуждения, выразившееся в усилении крепостного права.

В связи с этим, хотелось бы отметить, что В.О. Ключевский, анализируя деятельность А.Ф. Ордина-Нащокина отмечал, что этого крупного деятеля российской истории XVII в. волновали не только внешнеполитические проблемы, но и экономические: «Наблюдения над жизнью Западной Европы привели его к сознанию главного недостатка московского государственного управления, который заключался в том, что это управление направлено было единственно на эксплуатацию народного труда, а не на развитие производительных сил страны. Народнохозяйственные интересы приносились в жертву фискальным целям и ценились правительством лишь как вспомогательные средства казны... Он едва ли не раньше других усвоил мысль, что народное хозяйство само по себе должно составлять один из главнейших предметов государственного управления... Но чтобы промышленный класс мог действовать производительнее, надо было освободить его от гнета приказной администрации» [5, с. 161].

Однако, в силу особой роли государства в жизни русского общества, все и вся подчинялось верховному носителю власти – царю-самодержцу.

Вывод второй: в России и на Западе монархи опирались на сословно-представительные учреждения, хотя и ограничивавшие, пусть незначительно, власть монархов, но и поддерживавшие ее. Однако были и существенные отличия.

Во-первых, в России установилась деспотическая власть, основанная на крепостничестве, а на Западе, наоборот, окрепли политические свободы.

Во-вторых, на Западе превалировало правовое начало, а в России власть имущих отличалась полным беззаконием.

В-третьих, на Западе у сословно-представительных учреждений прав было больше, нежели у земских соборов в России.

Вывод третий: в XVII в. территория России расширялась.

Земли, потерянные в начале столетия в результате интервенции, в ходе напряженной борьбы были возвращены, за исключением прибалтийских и карельских, оставшихся под властью Швеции. В состав России вошли Левобережная Украина с Киевом и область Запорожья. К концу XVII в. население России насчитывало 10,5 млн человек. Продолжался отлив части населения из центра на окраины (Поморье, Приуралье, Дон и на Брянщину) в связи с разорительными событиями начала века и ростом крепостничества во всех его проявлениях. Известную роль играл и раскол в церкви – туда бежали раскольники. Несмотря на огромные старания и усилия, Россия не добилась выхода к морям, что отрицательно сказалось на социально-экономическом и политическом развитии России [5, с. 162].

Вывод четвертый: развитие русской культуры XVII в. отразило важнейшие процессы формирования русской нации и неразрывно связанного с ними начавшегося разрушения средневековой идеологии, утверждения «мирских» (светских) начал в духовной культуре.

Силой, тормозившей культурный прогресс, выступала церковь в обеих ее разновидностях – официальной и старообрядческой. Несмотря на то, что некоторое влияние западной цивилизации на развитие русской культуры отмечалось, преувеличивать его не следует. В целом, российское общество продолжало оставаться закрытым для достижений Запада.

Вывод пятый: время настоятельно требовало перестройки всего, что мешало развитию страны.

Не случайно В.О. Ключевский писал, что «царь Алексей Михайлович создал в русском обществе XVII века преобразовательное настроение».

Эти «преобразовательные настроения» диктовались общенациональными интересами России. Оставалось лишь найти силу, которая сдвинула бы застоявшийся механизм дремлющего патриархального государства. И Россия нашла эту силу в лице Петра I.

Литература

1. История России в сообществе мировых цивилизаций. Утверждено приказом министра обороны РФ в качестве учебника / Под общ. ред. П.И. Пасхального [Текст]. – М.: ВУ, 1999.
2. Вопросы истории [Текст]. – М., 1989.
3. Аяцков Д.Ф., Динес В.А., Ипполитов Г.М., Рыбников В.В., Слободин В.П. Государство Российское и его история. Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. В.В. Рыбникова и В.А. Динеса / Д.Ф. Аяцков, В.А. Динес, Г.М. Ипполитов, В.В. Рыбников, В.П. Слободин [Текст]. – Саратов: Изд. Центр СГСЭУ, Издательство «Летопись», 2001.
4. Горожанин А.В., Ефремов В.Я., Ипполитов Г.М., Рыбников В.В., Алексушин Г.В. «Россия – священная наша держава»: прошлое с нами. Учебное пособие для студентов вузов: В 5 кн. Кн. 2. От Руси изначальной к Руси императорской: «дистанция огромного размера» / А.В. Горожанин, В.Я. Ефремов, Г.М. Ипполитов, В.В. Рыбников, Г.В. Алексушин [Текст]. – Самара: Изд-во «НТЦ», 2003.
5. Горожанин А.В., Ефремов В.Я., Ипполитов Г.М., Рыбников В.В., Алексушин Г.В. Русь – Россия – СССР – Россия: Этапы большого пути: Учеб. Пособие для вузов по курсу «Отечественная история» В 2-х т. Т. 1. От Руси изначальной к году 1917: «Из мрачной глубины веков ты поднималась исполином...» / А.В. Горожанин, В.Я. Ефремов, Г.М. Ипполитов, В.В. Рыбников, Г.В. Алексушин [Текст]. – Самара: Изд-во «НТЦ», 2004.
6. Детков М.Г. Тюрмы. Лагеря и колонии России / М.Г. Детков [Текст]. – М, 1999.
7. Демкова Н.С. Житие протопопа Аввакума / Н.С. Демкова [Текст]. – Л., 1974.
8. Ключевский В.О. Краткий курс русской истории / В.О. Ключевский [Текст]. – М., 1987.
9. Пайпс Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс [Текст]. – М., 1993.
10. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории / С.Ф. Платонов [Текст]. – М., 1990.
11. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 книгах / С.М. Соловьев [Текст]. – М., 1986–1996.

Efremov V.J.

RUSSIAN STATEHOOD IN THE XVII CENTURY: THE PROBLEM OF DEVELOPMENT

(brief notes about the unique period in the history of our Homeland)

In the form of short notes the article deals with the problems of development of Russian statehood in the XVII century as a unique period in the history of Russia.

Keywords: *Russian statehood, development challenges, the Romanov dynasty, schism.*